

Джесс

Автор:

Генри Райдер Хаггард

Джесс

Генри Райдер Хаггард

Мастера приключений

Чему быть, того не миновать. После четырнадцати лет службы в британской армии капитан Джон Нил решает уйти на покой и начать новую жизнь в качестве фермера в африканской глубинке. Но кто знает, что будет завтра?.. Тем более если ты рыцарь в душе, а судьба постоянно ставит тебя перед выбором между «за» и «против».

В очередной том «Мастеров приключений» входит остросюжетный роман Г.Р. Хаггарда «Джесс», события которого развиваются на фоне жестокого конфликта, положившего начало Первой англо-бурской войны (1880—1881). При жизни писателя книга имела большой успех – была трижды экранизирована и публиковалась много раз (в своих мемуарах Хаггард упоминает о 27-м переиздании романа «Джесс»).

Генри Райдер Хаггард

Джесс. Повесть из времен Бурской войны

Глава I. Происшествие

Был жаркий день, необычный даже для такой страны, как Трансвааль, несмотря на то что лето уже перевалило на вторую половину и наступил период гроз, длившийся обычно от одной до двух недель. Под жгучим дыханием полуденного ветра, ежедневно веющего в течение нескольких часов, уже поникли длинные воронкообразные чашечки сочных голубых лилий. Трава по обеим сторонам дороги была покрыта толстым слоем красноватой пыли. Но вот зной начал понемногу спадать, так как солнце уже клонилось к закату, и лишь внезапные порывы ветра изредка вздымали облака пыли, иногда вышиной до пятидесяти футов, некоторое время еще висевшие в воздухе и затем расплывавшиеся по земле.

По дороге на недалеком расстоянии от одного из подобных песчаных водоворотов ехал всадник. Он казался утомленным и был с ног до головы покрыт пылью. Лошадь под ним выглядела еще более измученной. Знойный ветер выжег все их кости, как говорят кафры[1 - Кафры (от араб. каффир – неверный) – устаревшее наименование юго-восточных африканских народов.], что было вовсе не удивительно, если принять во внимание, что всадник и его лошадь находились в пути без отдыха уже целых четыре часа. Вдруг столб пыли, крутившийся впереди, внезапно замер и начал понемногу оседать. Всадник приостановил лошадь и задумчиво наблюдал за этим явлением.

– В точности как наша жизнь, – произнес он, обращаясь к лошади, – неизвестно откуда возникает и неизвестно зачем. Образует горсть праха, называемого человеком, и затем бесследно исчезает в облаке пыли.

Говоривший, видный тридцатилетний мужчина с красивыми голубыми глазами и рыжеватой бородкой, рассмеялся над только что высказанной им мыслью и стегнул кнутом измученную лошадедку.

– Ну-ну, – продолжал он, – пошевеливайся, иначе мы никогда не доберемся до старика Крофта. Однако, кажется, следует свернуть в эту сторону. – И он указал кнутом в направлении узкой тропинки, в конце которой на расстоянии четырех миль виднелся одинокий холм с плоской вершиной. – Старый бур упоминал про второй поворот, – рассуждал он вслух, – но, вероятно, он лгал. Я слышал, что некоторые из них любят посмеяться над нами, англичанами, заставив прокатиться несколько лишних миль. Посмотрим. Мне говорили, что жилище Крофта находится у подножья горы с плоской вершиной на расстоянии получаса езды от большой дороги. Но вот же эта гора.

С этими словами он пустил усталую лошадь иноходью, весьма обычной для южноафриканских лошадей.

«Странная штука жизнь, – рассуждал капитан Джон Нил (именно так звали всадника), по мере того как лошадь медленно шла вперед, – вот я, например, в тридцать четыре года должен сызнова начинать карьеру в качестве компаньона трансваальского фермера. Нечего сказать, приятная перспектива для офицера, четырнадцать лет прослужившего в британской армии! Видно, чему быть, того не миновать».

Рассуждения эти были внезапно прерваны весьма странным происшествием. На расстоянии четырех или пяти сотен ярдов навстречу Джону Нилу бешено неслась верхом какая-то девушка, а за нею с распростертыми крыльями и вытянутой шеей гнался страус. Хотя лошадь находилась пока на приличном расстоянии от птицы, она, конечно, не могла соперничать с одним из самых быстрых на свете существ. Прошло пять секунд, и Джон Нил невольно закрыл глаза, когда увидел, что страус бросился на жертву всей своей тяжестью.

К счастью, удар пришелся по спине лошади, которая тут же и свалилась. Девушка выскочила из седла и поднялась на ноги лицом к страусу, который тут же набросился на нее. Но, прежде чем ему удалось нанести ей удар, девушка припала лицом к земле. В одно мгновение страус прыгнул на свою жертву и принялся бить ее ногами и давить. В это время на выручку подоспел Джон Нил. Завидев его, страус оставил девушку в покое и начал кружиться около нового врага с тем сосредоточенным видом, с каким эти птицы готовятся к битве. Капитан Нил совсем не знал повадок и свойств этих пернатых, и его лошадь, по видимому, также была с ними незнакома – она проявляла горячее желание поскорее покинуть поле сражения. Джон Нил и сам с удовольствием последовал бы ее примеру, но он был рыцарь в душе и не мог покинуть в опасности даму. Поэтому, не находя возможности справиться с лошадью, капитан соскочил с седла и с одним кнутом в руке бросился на врага. Несколько мгновений птица стояла в неподвижности, затем распустила крылья и устремилась на него. Нил сумел отпрянуть в сторону, и птица пронеслась мимо, но прежде, нежели ему удалось оглянуться, он получил сильный удар в спину, сваливший его с ног. Едва Джон Нил поднялся на ноги, как страус снова кинулся на него. Но в это время англичанину удалось захлестнуть кнутом шею птицы. Воспользовавшись ловким ударом, он вцепился обеими руками в крыло страуса. Затем оба стали кружиться, сначала медленно, потом быстрее и под конец с такой головокружительной быстротой, что капитану Нилу показалось, будто время,

пространство и земля, на которой он стоял, смешались в каком-то хаосе. Перед ним, подобно шпилью, возвышалась грациозная шея, внизу кружились стройные прямые ноги, и возле него колыхалась пышная масса нежных перьев, черных и белых...

За нею с распростертыми крыльями и вытянутой шеей гнался страус

Он упал навзничь, а страус, на которого это кружение, по-видимому, несколько не подействовало, взгромоздился на него и принялся наносить ему удары. К счастью, страус был не в состоянии причинить сильный вред лежащему человеку. В противном случае Джону Нилу пришлось бы туго.

Прошло полминуты, в течение которых птица продолжала поражать поверженного врага, и капитан Нил уже начинал подумывать, не наступил ли конец его земному странствию. В это время он заметил пару нежных округлых рук, обхвативших ноги страуса, и услышал слова:

– Сверните ему шею, пока я держу ноги, иначе он убьет нас.

Эти слова заставили его встрепенуться. Между тем страус и девушка уже катались по земле. Джон Нил бросился вперед, схватил обеими руками противника за шею и принялся изо всех сил гнуть ее, пока она не переломилась. После этого птица сделала еще несколько конвульсивных прыжков и, бездыханная, упала наземь и замерла.

Совсем обессилев, Джон Нил опустился на землю и стал с любопытством оглядывать поле битвы. Страус застыл без движения, а подле него лежала девушка. Джону вдруг подумалось, не убита ли она, но так как он был слишком слаб, чтобы встать, то принялся смотреть на нее издали. Голова молодой особы покоилась на туловище убитой птицы, чьи перья образовали удобное ложе. Пристально разглядывая ее, он заметил, что она хороша собой, несмотря на некоторую бледность лица. У нее были густые брови, оттененные золотистыми волосами, круглый и весьма нежный подбородок и очень красивый рот. Цвет глаз он разобрать не мог, так как девушка лежала в обмороке. Следует

прибавить, что она была молода – не более двадцати лет от роду – и прекрасно сложена. Когда он немного оправился, то подполз к ней, взял ее за руки и принялся отогревать их в своих ладонях. Руки были очень красивы, но потемнели от загара и тяжелой работы. Вскоре она пришла в себя, и он с удовольствием заметил, как хороши ее голубые глаза. Она приподнялась и рассмеялась.

– Какая я глупая! Упала в обморок.

– Этому нечего удивляться, – вежливо проговорил Джон Нил и поднял руку, чтобы снять шляпу, совершенно забыв, что она слетела с головы во время борьбы. – Надеюсь, вы не сильно ушиблись?

– Не знаю, – ответила она, – но я рада, что вы убили птицу. Она убежала с фермы три дня назад. В прошлом году она убила мальчика, и я тогда убеждала дядю застрелить ее, но он ни за что не соглашался, так как страус был необычайно красив.

– Позвольте вас спросить, – обратился к ней Джон Нил, – вы не мисс ли Крофт?

– Да, я одна из них, и знаете, я догадываюсь, с кем разговариваю: вы, должно быть, Джон Нил, которого ожидает дядя, чтобы помогать ему управлять фермой и ухаживать за страусами.

– Если все они такие, – воскликнул он, указывая на убитую птицу, – то я не думаю, что это занятие придется мне по душе.

Она рассмеялась, обнаружив при этом ровный ряд белоснежных зубов.

– О нет, этот составлял исключение. Но, капитан Нил, мне думается, вам будет у нас очень скучно. Здесь нет никого, кроме буров. Англичан вы не встретите ближе Ваккерструма.

– Вы забываете себя, – учтиво заметил он, с удовольствием смотря на стоявшую возле него девушку, которая и в самом деле была прелестна.

– Нет, – возразила она, – я еще девчонка и, кроме того, совсем глупенькая. Вот моя сестра Джесс, та воспитывалась в Капштадте[2 - Капштадт – прежнее название Кейптауна.], и она действительно умна. Положим, я тоже была в Капштадте, но немногому там научилась... Однако, капитан Нил, обе наши лошади исчезли. Моя, верно, убежала домой, и я полагаю, что и ваша ушла вслед за ней. Мне крайне интересно было бы знать, как мы доберемся до Муифонтейна, то есть «Прекрасного источника», как мы называем нашу ферму. В состоянии ли вы идти пешком?

– Не знаю, – признался он, – впрочем, попробую. Эта птица меня сильно ушибла. – С этими словами он привстал и снова опустился, вскрикнув от боли. Судя по всему, он растянул сухожилие на ноге и вообще чувствовал себя настолько разбитым, что едва мог пошевеливаться. – А как далеко надо идти? – осведомился он.

– Не больше мили. Мы увидим дом вот с этого холма. Посмотрите, мне ни за что не встать. Какая глупость с моей стороны – упасть в обморок! Но ведь он же меня почти задушил, – говоря так, она поднялась на ноги и немного протанцевала. – Честное слово, я отлично себя чувствую! Я подам вам руку, вот и все, если вы только ничего не имеете против.

– О, конечно, я ничего против этого не имею. – Он рассмеялся, после чего оба отправились под руку домой.

Глава II. О том, как сестры впервые прибыли в Муифонтейн

– Капитан Нил, – заговорила Бесси Крофт (таково было имя девушки), после того как они с большим трудом прошли около сотни ярдов, – вы не сочтете нескромным мой вопрос?

– Нет,нисколько.

– Что заставило вас приехать сюда и похоронить себя заживо?

– Зачем вы спрашиваете об этом?

– Затем, что я не думаю, чтобы вам здесь понравилось. Я сомневаюсь, – тихо прибавила она, – чтобы это было вполне подходящее место для английского джентльмена и офицера. Вы сами увидите, что обычаи буров невыносимы. Общества же вам не найти никакого, за исключением моего дяди и нас, двух сестер.

Джон Нил рассмеялся.

– Джентльмены в Англии теперь уже далеко не так разборчивы, мисс Крофт, в особенности когда дело идет о хлебе насущном. Взять, к примеру, хотя бы меня. Я четырнадцать лет прослужил в армии, и теперь мне тридцать четыре года. Конечно, раньше я имел возможность служить в полку благодаря помощи старухи тетки, дававшей мне по сто двадцать фунтов стерлингов в год. Шесть месяцев назад она умерла, оставив мне небольшое состояние, ибо весь ее доход заключался в пожизненной пенсии. По уплате всех долгов, налогов и пошлин мне осталось всего тысяча сто пятьдесят фунтов. Проценты с этой суммы составляют около пятидесяти фунтов, а с такими деньгами я не мог оставаться в полку. Вскоре после смерти тетки нас перевели сперва в Дурбан, а затем на родину. Поскольку я не имею средств, чтобы там служить, пришлось взять годичный отпуск с целью осмотреться и выяснить, не могу ли я заняться фермерством. Еще в Дурбане мне сообщили про вашего дядю, который желал найти компаньона с тысячей фунтов стерлингов, соглашаясь уступить ему третью часть доходов, потому что одному ему не под силу вести хозяйство. Таким образом между нами завязалась переписка, и я решился приехать сюда на несколько месяцев – попробовать, понравится ли мне новое занятие. И вот я здесь и, как видите, довольно кстати, так как мне удалось отвлечь от вас удары разъяренного страуса.

– Да, это правда, – отвечала она, улыбаясь. – Во всяком случае, вы встретили горячий прием. Думаю, вы не станете о нем сожалеть.

В это время они успели подняться на вершину холма и здесь заметили идущего навстречу кафра, который держал за поводья обеих лошадей. На расстоянии ста ярдов за ним следовала девушка.

– А, – воскликнула Бесси, – лошади пойманы, а вот и Джесс идет, чтобы узнать, в чем дело.

Между тем девушка, о которой шла речь, приблизилась к ним настолько, что Джону удалось ее рассмотреть. Она была невысока ростом и немного худа, с густыми вьющимися волосами темного цвета. Ее ни при каких условиях нельзя было назвать хорошенькой, в отличие от сестры. Она отличалась, однако, двумя особенностями: матовой бледностью лица и глубокими темными глазами, прелестнее которых он не видывал, а потому, несмотря ни на что, была чрезвычайно привлекательна. Прежде чем он успел заметить в ее облике еще какие-либо характерные черты, она поравнялась с ними.

– Ради бога, расскажи, что случилось, Бесси, – обратилась она к сестре, мельком взглянув на ее спутника.

На этот вопрос Бесси ответила подробным изложением всего, что случилось, и лишь изредка обращалась к своему спутнику для подтверждения сказанного.

Между тем Джесс стояла молча и казалась совершенно спокойной. Капитана Нила поразило, что ее лицо сохраняло на удивление бесстрастное выражение даже во время рассказа о том, как страус бросился на сестру и едва ее не убил, а также о том, как они наконец одолели врага.

«Вот странно! – подумал он. – Какая удивительная девушка! Вряд ли у нее есть сердце». Но едва эта мысль промелькнула у него в уме, как девушка подняла глаза, и он заметил впечатление, произведенное на нее рассказом. Это впечатление отразилось в глазах. Насколько безжизненным оставалось ее лицо, настолько эти темные глаза светились жизнью и каким-то особенным выражением, придававшим им еще большую прелесть.

– Вы чрезвычайно удачно избежали опасности, но мне жаль птицу, – произнесла она наконец.

– Почему? – поинтересовался Джон.

– Потому что мы были большими друзьями. Лишь я одна умела с нею ладить.

– Да, – подтвердила Бесси, – этот страус бегал за ней, как щенок. Мне это всегда казалось крайне странным. Но пойдете домой, нам надо спешить, так как уже смеркается. Мути, – обратилась она по-зулусски к кафру, – помоги капитану Нилу забраться в седло да смотри, чтобы оно не перевернулось, ведь подруга могла

ослабнуть.

Предупрежденный таким образом, Джон с помощью зулуса вскарабкался на лошадь. Бесси последовала его примеру, после чего все направились домой в уже наступившей темноте. Наконец Джон почувствовал, что едет вдоль по аллее высоких смолистых деревьев, а в следующую минуту услышал лай громадного пса и разглядел освещенные окна. Из дома послышалось громкое приветствие, и вслед за тем в дверях показалась фигура старика, некогда высокого роста, а теперь совсем сгорбленного под бременем лет и болезней. Его длинные седые волосы ниспадали до плеч, верхняя же часть головы была совершенно лысой. Черты лица, изрытого морщинами, отличались замечательной правильностью, а серые глаза, окаймленные густыми черными бровями, сохраняли ясное, как у сокола, выражение. Вместе с тем в них не было ничего неприятного, а общее впечатление получалось в высшей степени приветливое и добродушное. Одевание старика состояло из платья простого покроя, высоких сапог и охотничьей шляпы с широкими полями, какие обычно носят буры. Такова была внешность старика Сайласа Крофта, одного из самых замечательных людей в Трансваале, в то время, когда с ним впервые встретился Джон Нил.

– Это вы, капитан Нил? – воскликнул старик. – Мне уже передавали, что вы едете. Ну что ж, в добрый час! Я очень рад вас видеть. Однако что же с вами случилось? – продолжал он, когда зулус Мути подбежал, чтобы помочь капитану слезть с седла.

– Случилось лишь то, господин Крофт, – отвечал Джон, – что ваш любимый страус чуть не убил меня и вашу племянницу, а я прикончил вашего любимца.

– И поделом мне, – заговорил старик, – пора мне было об этом подумать. Но слава богу, милая Бесси, что ты счастливо избежала опасности, равно как и вы, капитан. А вы, ребята, возьмите с собой шотландскую повозку, пару волов и привезите птицу домой. Во всяком случае мы успеем снять с нее перья, прежде чем коршуны раздерут ее на части.

Переодевшись и немного приведя себя в порядок, Джон Нил отправился в залу, где на столе уже ждал ужин. При этом он заметил, что комната была убрана в европейском вкусе, а на полу лежали разостланные циновки из буковых ветвей. В углу помещалось фортепьяно, а рядом с ним стоял шкаф с сочинениями выдающихся писателей, составлявший, как предположил Джон,

собственность самой Джесс.

Ужин прошел довольно оживленно, после чего мужчины закурили трубки, а девушки стали петь и музицировать. Тут капитана опять ждал сюрприз, так как после Бесси, полностью оправившейся от дневного приключения и довольно мило исполнившей одну или две вещицы, к инструменту подошла Джесс, до тех пор молча сидевшая в стороне. Она села за него неохотно, лишь уступая просьбам дяди, желавшего, чтобы капитан Нил непременно послушал ее пение. В конце концов она согласилась и, взяв несколько аккордов, запела голосом, подобного которому ему еще не доводилось слышать. Ее голос, несмотря на свою изумительную красоту, не мог быть назван поставленным, и, кроме того, песня исполнялась на немецком языке, отчего Джон Нил не понял ни слова. Впрочем, слова и не нуждались в переводе. Страсть, глубокая, затаенная, в которой просвечивала надежда, чувствовалась в каждой фразе, и в звуках песни слышалась любовь вечная, любовь до гроба. Могучий голос отдавался в сердце каждого слушателя и заставлял трепетать все фибры души, подобно струнам золотой арфы. Голос звучал все выше и нежнее, вознося сердца слушателей высоко над миром, к преддверию рая, и вдруг замер, словно сраженный орел, сорвавшийся с небесной высоты.

Джон тяжело перевел дух и в волнении откинулся на спинку кресла, чувствуя себя совершенно очарованным как самим пением, так и резким переходом к наступившему затем покою. Он оглянулся и увидел, что Бесси смотрит на него с удивлением и некоторым удовольствием. Джесс все еще продолжала сидеть перед инструментом и едва касалась пальцами клавиш, над которыми склонилась ее кудрявая головка.

– Ну, капитан Нил, – обратился к нему старик, указывая на племянницу, – что вы скажете о моей пташке-певунье? Разве этого недостаточно для того, чтобы вырвать сердце из груди человека и лишить его рассудка?

– Ничего подобного до сих пор не слышал, – признался Джон, – а между тем мне доводилось слышать многих певиц. Вот уж не думал встретить такой голос в Трансваале!

Джесс быстро обернулась, и он снова обратил внимание на то, что хотя ее глаза и блестели от волнения, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Я не вижу причины для того, чтобы вам смеяться надо мной, капитан Нил, – промолвила она и, пожелав ему спокойной ночи, быстро удалилась из комнаты.

Старик улыбнулся, вытряхнул пепел из трубки и лукаво подмигнул капитану, что, вероятно, должно было означать весьма многое, но что несколько успокоило гостя, который сидел молча и от удивления не знал, что сказать. Тогда поднялась Бесси и, тоже пожелав ему спокойной ночи, спросила со свойственной ей женской заботливостью, нравится ли ему отведенная для него комната и сколько нужно прислать байковых одеял, предупредив при этом, что в случае, если запах цветов, растущих около веранды, покажется ему слишком сильным, он должен затворить окно с правой стороны и открыть противоположное. Затем, кокетливо поклонившись ему еще раз, удалилась той плавной, грациозной и ровной походкой, видеть которую доставляет истинное наслаждение для молодого человека.

– Налейте себе стакан грога, капитан, – предложил старик, пододвигая к нему четырехгранную бутылку, – вам надо подкрепиться после сегодняшнего происшествия. Я, однако, еще не успел как следует поблагодарить вас за то, что вы спасли мою Бесси. Но я вам очень, очень благодарен. Должен вам сказать, что Бесси – моя любимица. Трудно найти на свете другую такую девушку. Красавица, стройна, как тростник, а какие глаза, какая талия! И при всем этом она не может быть названа светской девушкой. Зато она работает за троих, и на уме у нее никаких глупостей.

– Ваши племянницы, кажется, мало похожи друг на друга, – заметил Джон.

– Да, вы правы, – согласился старик, – вы никогда не поверите, что в их жилах течет одна и та же кровь. Во-первых, у них в возрасте три года разницы. Бесси моложе – ей только двадцать. Господи, как подумаешь, что уже двадцать лет прошло с тех пор, как она родилась! Их судьба тоже весьма занимательна.

– В самом деле?

– Да, – задумчиво продолжал старый Крофт, вытряхивая пепел из трубки и вновь набивая ее крупно нарезанным табаком, – я вам расскажу о ней, если хотите, тем более что вам предстоит жить с нами и вам не мешает знать эту историю. Я уверен, капитан Нил, что она останется между нами... Я родился в Англии и происхожу из хорошей семьи. Мой отец был священником. Средства его были

невелики, и, когда мне минуло двадцать лет, он дал мне свое родительское благословение, тридцать золотых и билет до мыса Доброй Надежды. Я простился с ним, уехал в эту страну, и вот уже пятьдесят лет как я живу здесь, а вчера мне стукнуло семьдесят. Я вам когда-нибудь расскажу об этом поподробнее, а пока вернемся к моим девочкам. Двадцать лет спустя мой дорогой отец женился во второй раз на молодой девушке с богатым приданым, но стоявшей ниже его в обществе. У них родился сын, а вскоре отец умер. Я не имел известий о своем брате и узнал лишь стороной, что он вырос человеком сомнительной нравственности, женился, потом запил... Но вот однажды ночью, лет двенадцать назад, случилось нечто необыкновенное. Я сидел в этой комнате, вот в этом самом кресле, и курил трубку, прислушиваясь к звуку падающих капель дождя, ибо ночь была крайне ненастная, как вдруг мой старый пойнтер Бен залаял.

«Тихо, Бен! – крикнул я. – Это кафры!»

В это время послышалось слабое царапанье в дверь, а Бен вновь залаял. Я встал, отворил дверь и впустил в комнату двух маленьких девочек, закутанных в старые платки или что-то в этом роде. Затем я запер дверь, предварительно убедившись, что на дворе больше никого не осталось. С удивлением смотрел я на два маленьких существа, стоявшие передо мной. Они замерли на пороге, держась за руки, и, видимо, промокли до костей. Старшей на вид казалось лет одиннадцать, младшей – восемь. Обе молчали, но старшая сняла платок и шляпку с младшей – это была Бесси, и я увидел ее миловидное личико и золотистые волосы. Она держала пальчик во рту и смотрела на меня, и мне казалось, что все это происходит со мной во сне.

«Будьте так добры, – заговорила наконец старшая, – скажите, этот дом принадлежит мистеру Крофту из Южно-Африканской республики?» – «Да, милая барышня, это его дом, и страна эта называется Южно-Африканской республикой[3 - Таково было официальное название бурской республики Трансвааль с 1856 по 1877 г.], а вот перед вами и сам хозяин. А вы кто такие, дорогие мои?» – спросил я в свою очередь. – «Мы, сэр, ваши племянницы и приехали к вам из Англии». – «Что?» – вскрикнул я, чувствуя, что начинаю терять всякое соображение. – «О, сэр! – воскликнула малютка, умоляюще складывая мокрые ручонки. – Не прогоняйте нас. Бесси так промокла, окоченела и голодна, что не в состоянии идти дальше!»

При этих словах она заплакала, а младшая с испугу и из чувства солидарности последовала ее примеру.

Само собой разумеется, я позвал их ближе к камину, посадил к себе на колени и крикнул старуху Хебе, готовившую мне пищу. Затем мы их раздели, завернули в теплые одеяла, накормили бульоном и напоили вином, так что через каких-нибудь полчаса они совсем повеселели и уже не выглядели испуганными.

«А теперь, детки, – сказал я, – подойдите, поцелуйте меня и расскажите, как вы сюда попали».

И вот их история, как они мне ее рассказали, понятно, дополненная сведениями, почерпнутыми мной впоследствии. Мой брат женился на кроткой девушке из Норфолка и обращался с ней, как с собакой. Он пьянствовал, бил жену и детей, пока наконец несчастная женщина, слабая от рождения и к тому же больная от жестокого обращения с ней, не возымела мысли оставить страну и искать моего покровительства. Можете себе представить, в каком она была отчаянии. Она собрала кое-какие деньги, купила три билета второго класса до Дурбана и в один прекрасный день, когда муж ушел пьянствовать и играть в карты, отправилась на корабль, и, прежде чем он узнал что-либо о ней, она уже оказалась в открытом море. Но это было последнее ее усилие, которое окончательно подорвало ее и без того слабое здоровье. Не прошло и десяти дней, как она умерла и дети остались одни. Что они вытерпели, или, вернее, что вытерпела Джесс, так она уже все понимала, – ведает один Господь Бог! Скажу только, что она так никогда и не могла полностью оправиться после этого путешествия. Оно оставило печать на ее лице. Но что бы ни говорили люди, есть Бог на небе, который заботится о всех беспомощных. Бог принял несчастных, бесприютных и одиноких детей под свою защиту. Капитан корабля заботился о них как мог, и когда они наконец прибыли в Дурбан, то некоторые из пассажиров провели между собой подписку и наняли старого бура, ехавшего с женой по пути в Трансваале, который взялся доставить детей по назначению. Бур и его жена в дороге хорошо обращались с ними, но не сделали ничего сверх оговоренного. При повороте с Ваккерструмской дороги, по которой вы ехали сегодня, они высадили детей, не имевших даже багажа, и сказали им, что если они пойдут прямо, то дойдут до жилища хеера[4 - Хеер – господин (африкаанс).] Крофта. Это было около полудня, и бедные крошки были вынуждены тащиться вперед целых восемь часов, потому что дорога была тогда заметна еще меньше, чем теперь. Они брели наудачу и могли бы совсем заблудиться и погибнуть от сырости и холода, если бы случайно не заметили свет в окнах дома. Вот каким

образом попали сюда мои племянницы, капитан Нил. С тех пор они постоянно со мной, за исключением тех двух лет, когда я посылал их учиться в Капштадт, и мне тогда было очень тяжело оставаться одному.

– А что случилось с их отцом? – спросил крайне заинтересованный рассказом Джон Нил. – Получали ли вы какие-нибудь известия о нем?

– Получал ли я известия об этом негодяе? – старик бешено сверкнул глазами. – Да, черт его побери, получал. Что бы вы думали? Мои крошки прожили со мной почти полтора года, и я успел горячо полюбить их, как вдруг в один прекрасный день, стоя за возводимой мною стеной крааля[5 - Крааль – здесь: загон для скота (зулу).] и осматривая свои владения, я увидел подъезжавшего ко мне человека верхом на старой худой лошади. По мере того как он приближался, я думал, глядя на него: «Ты, брат, пьяница и большой плут, это сразу видно по твоей физиономии, а главное то, что я тебя где-то видел». Как видите, я еще не догадывался, что это был сын моего родного отца!

«Ваше имя Крофт?» – осведомился он. «Да», – отвечал я. – «Мое тоже, – продолжал он с пьяной усмешкой, – я ваш брат». – «В самом деле? – я догадывался, что у него было зло на уме. – А позвольте вас спросить, зачем вы сюда пожаловали? Впрочем, я должен предупредить раз и навсегда, что хоть вы и мой брат, но вы – негодяй, а потому я не желаю иметь с вами никаких дел». – «Ага, вот вы как заговорили, – промолвил он, – ну хорошо же, я требую обратно детей. У них дома остался маленький братец – так как я снова женился, – который очень хочет с ними познакомиться, а потому будьте так добры передать их мне, чтобы я взял их с собой». – «Вы возьмете их с собой?» – воскликнул я, дрожа от страха и негодования. «Да, возьму. Они мои по закону, и я вовсе не намерен воспитывать детей для того, чтобы доставлять вам удовольствие наслаждаться их обществом. Я советовался с юристами, и дело здесь пахнет уголовщиной», – при этих словах он злобно усмехнулся.

Я стоял, смотрел на этого человека и думал о том, как он дурно обращался с детьми и их несчастной матерью. Кровь вскипела во мне, я перескочил через стену, схватил его за ногу (десять лет назад я был еще очень силен) и сбросил с лошади. При падении он выронил кнут, которым я воспользовался, чтобы хорошенько его проучить. Великий Боже, как же он бесновался! Устав, я помог ему подняться на ноги. «Ну, а теперь, – вскричал я, – убирайтесь подобру-поздорову, а если вы еще раз вернетесь, я велю кафрам проводить вас палками до территории Наталя. Здесь Южно-Африканская республика, и нам мало дела

до ваших законов». – «Хорошо, – проскрежетал он сквозь зубы, – вы мне ответите за это. Я вытребую детей назад и ради вас превращу их жизнь в ад, и помните мое слово: закон будет на моей стороне».

Он удалился с бранью и проклятиями, и я бросил ему вслед его кнут. Таково было мое первое и последнее свидание с братом.

– Что же с ним случилось потом? – спросил Джон Нил.

– Я вам сейчас расскажу, и вы еще раз убедитесь, что есть на небе Бог, Который недремлющим оком следит за подобными людьми. В ту же самую ночь он отправился в Ньюкасл, зашел в кабак и принялся пить, браня меня все время, пока наконец хозяин заведения не велел слугам вышвырнуть его вон. Кафры очень грубы, особенно когда имеют дело с пьяным белым человеком, а он вдобавок начал драться. Во время борьбы у него из горла хлынула кровь, он свалился на пол и через несколько минут скончался. Вот вам история двух моих девочек, капитан Нил, а теперь я иду спать. Завтра мы с вами осмотрим ферму и поговорим о делах. А пока – спокойной вам ночи, капитан!

Глава III. Мистер Фрэнк Мюллер

Джон Нил проснулся на другой день рано утром, чувствуя себя совершенно разбитым. Однако он кое-как оделся, при помощи палки растворил ставни окна, выходящего на веранду, и стал любоваться открывшейся перед ним картиной.

Местность действительно была чрезвычайно живописна.

Позади дома возвышался наподобие амфитеатра ряд отвесных скал, как бы охватывавших обширную площадь, в центре которой стояли строения.

Жилой дом был выстроен из бурого камня и имел соломенную крышу, все же хозяйственные строения щеголяли крышами из оцинкованного железа, ослепительно сверкавшего от ярких лучей утреннего солнца. Перед домом тянулась веранда, обвитая плющом и диким виноградом, а мимо нее проходила дорога, обсаженная с обеих сторон апельсиновыми деревьями, сплошь

покрытыми цветами, а также зелеными и желтыми плодами. За апельсинными деревьями раскинулся тенистый фруктовый сад, огороженный стеной из грубо сложенных камней, а еще далее располагались краали для волов и страусов. Направо от дома помещались питомники для деревьев, а налево тянулись поля, которые орошались водой источника, пробивавшегося между скалами и давшего местечку название Муифонтейн.

Все это Джон Нил разглядел не сразу: в первую минуту он был просто ослеплен дикой и чудной панорамой, открывшейся перед его глазами и слева граничившей с цепью снеговых вершин Дракенсберга[6 - Дракенсберг - Драконовы горы, горная гряда в Натале.], а спереди и справа сливавшейся на краю горизонта с тучными нивами Трансвааля.

Вид этой местности мог взволновать кровь и заставить сердце биться сильнее. С одной стороны - необъятная ширь полей, покрытых богатой растительностью, безоблачное, вечно голубое небо и утренний прохладный ветерок; с другой стороны - грозные вершины гор, покрытых вечными снегами, а надо всем этим блестящее южноафриканское солнце и как бы веяние Предвечного Духа, носящегося над землей и дающего жизнь своему творению.

Джон стоял и смотрел на чудную картину, мысленно сравнивая ее с возделанными полями, которые ему случалось видеть на своем веку, и невольно приходил к заключению, что как бы ни было желательно присутствие цивилизации, но едва ли люди в состоянии сделать краше естественную красоту природы. Его размышления внезапно были прерваны появлением Крофта, который, несмотря на свои годы, все еще выглядел довольно бодрим.

- Доброе утро, капитан Нил, - приветствовал его старик, - вы уже поднялись? Ну что ж, это хорошо. Значит, вы намерены всерьез заняться хозяйством. Да, чудный здесь вид и славный уголок! А ведь все это устроил я. Двадцать пять лет тому назад я проезжал мимо и обратил внимание это местечко. Видите вон там позади дома скалу? Я уснул под ней и проснулся на другой день с восходом солнца. Увидев замечательную красоту места, я сказал себе: «Да, брат, двадцать пять лет ты здесь странствуешь и всего насмотрелся, но лучше этого места еще не видел. Будь же благоразумен и остановись на нем». Так я и сделал. Я купил три тысячи моргенов[7 - Морген - единица измерения земельных площадей в ряде стран. Южноафриканский морген равен примерно 0,86 га.] земли за десять фунтов стерлингов и ящик джина и принялся устраивать хозяйство. Да, каждый камень здесь положен моей рукой и каждое дерево выросло на моих глазах, а вы

знаете, что это нелегко, особенно на чужой стороне! Как бы то ни было, а я один устроил свое гнездышко, и теперь мне тяжело с ним управляться; вот почему я стал искать помощника, о чем вам и сообщили в Дурбан. Я говорил, что мне нужен человек благородного происхождения. Денег мне, собственно говоря, не надо, я готов уступить третью часть за тысячу фунтов, лишь бы не иметь дела с бурами и белыми людьми низкого происхождения. Я довольно насмотрелся на буров и на их обычаи, и скажу вам, что лучшим днем моей жизни был тот, когда старик Шепстон[8 - В апреле 1877 г. Теофил Шепстон, назначенный в Трансвааль чрезвычайным комиссаром британского правительства, аннексировал эту страну в пользу британской короны.] поднял национальный флаг в Претории и я обрел право снова называться англичанином. Боже мой! И ведь существуют же люди, которые считают себя подданными королевы – и желают быть гражданами республики. Капитан, я повторяю вам, что эти люди сумасшедшие! Во всяком случае теперь этот вопрос решен. Знаете, что им сказал сэр Гернет Уолсли[9 - Гернет Уолсли – главнокомандующий английскими войсками в Натале.] от имени королевы? Что эта страна будет принадлежать англичанам до тех пор, пока солнце не остановится на небе и пока воды Вааля не потекут вспять.

Нет, капитан Нил, я не стал бы уговаривать вас участвовать в хозяйстве, если бы не был уверен, что эта земля останется вечно под английским флагом. Но мы поговорим об этом в другой раз, теперь же идемте завтракать.

Поскольку Джон был еще слишком слаб, чтобы осматривать ферму, то Бесси после завтрака предложила ему помочь ей мыть страусовые перья. Операция эта производилась на траве позади группы апельсиновых деревьев. Здесь помещалась обыкновенная кадка, наполовину наполненная горячей водой, и жестяная ванна с водой холодной. Страусовые перья, из которых многие были покрыты красной пылью, опускались сперва в кадку с горячей водой, причем на обязанности Джона Нила лежало натирать их мылом, после чего переходили в жестяную ванну, в которой Бесси выполаскивала их и затем раскладывала для просушки на солнце. Утро было великолепно, и Джон вскоре пришел к заключению, что на свете есть множество занятий, гораздо более неприятных, чем обмывание страусовых перьев подле хорошенькой девушки – а она несомненно была очень хорошенькой и представляла собой тип счастливой, дышащей здоровьем женщины, особенно когда сидела против него на низеньком стуле, засучив рукава и обнажив руки, которые сделали бы честь Вейере, смеясь и болтая все время, пока работала. Джон не был особенно увлекающимся человеком, он прошел огонь и воду – и не один раз обжегся, подобно многим людям. Тем не менее, смотря на молодую белокурую девушку, напоминавшую ему роскошный бутон еще не распустившейся розы, он невольно

задавал себе вопрос, можно ли с ней жить под одной кровлей и оставаться равнодушным к ее прелестям. Затем он стал думать о Джесс и об удивительном контрасте между обеими сестрами.

- Где ваша сестра? – спросил он наконец.

- Джесс? Вероятно, ушла в Львиный Ров читать или рисует, – отвечала она, – в нашем маленьком хозяйстве я олицетворяю собой труд, а Джесс – ум. – С этими словами она повернула свою хорошенькую головку и продолжала. – Здесь, должно быть, кроется какая-нибудь ошибка, и на ее долю достался весь ум.

- Однако, – спокойно заметил Джон, глядя на нее, – я не думаю, чтобы вы имели причину чересчур жаловаться на судьбу.

Она немного покраснела, более от того выражения, с каким были произнесены слова, нежели от самих слов, и поспешила прибавить:

- Джесс самая умная, милая и добрая девушка в целом свете, и мне кажется, у нее лишь один недостаток: она слишком заботится обо мне. Я знаю, дядя уже говорил вам, каким образом мы приехали сюда, когда мне было всего восемь лет. Я отлично помню, как мы ночью заблудились в вельде[10 - Вельд – степь, саванна (африкаанс).] во время дождя. Нам было очень холодно, и Джесс сняла с себя платок и накинула его на меня поверх моего собственного. С тех пор всякий раз повторяется та же история, и я, по ее мнению, всегда и во всем должна иметь первенство. Я мало общалась с людьми, но мне кажется, что не много найдется таких женщин, как Джесс. Она слишком умна для нашей глуши, ей бы следовало жить в Англии, быть писательницей и сделаться знаменитостью... Но только, – прибавила она задумчиво, – мне кажется, все ее рассказы были бы очень печальны.

Сказав это, Бесси вдруг замолчала и побледнела, причем связка вымытых перьев выпала из ее рук. Обернувшись по направлению ее взгляда, Джон заметил медленно подъехавшего верхом на прекрасной вороной лошади человека высокого роста в широкой шляпе.

- Кто это такой, мисс Крофт? – спросил он.

– Это человек, которого я ненавижу, – ответила она, слегка топнув ногой. – Имя его Фрэнк Мюллер, и он наполовину бур, наполовину англичанин. Он очень умен и страшно богат, и так как ему принадлежат все окрестные земли, то дядя должен быть с ним вежлив, хотя и недолюбливает его. Что ему, однако, нужно?

Всадник был уже недалеко и, по-видимому, вовсе не замечал присутствия разговаривавших. Джон уже начинал надеяться, что он проедет мимо, как вдруг легкое шуршание платья Бесси привлекло внимание Фрэнка Мюллера, и он обернулся. Он был высокого роста и замечательно красив собой; на вид ему казалось не более сорока лет; черты лица, хотя и выражали холодность, были весьма правильны; светло-голубые глаза и прекрасная золотистого цвета борода изобличали в нем истого англичанина. При этом он был слишком изящно одет, чтобы казаться буром, и носил платье английского покроя и высокие охотничьи сапоги.

– Здравствуйте, мисс Бесси, – приветствовал он девушку по-английски, – вот вы где сидите с вашими пухленькими ручками! Я очень счастлив, что приехал вовремя, чтобы полюбоваться ими. Вы мне позволите помочь вам мыть страусовые перья? Только скажите мне слово, и я...

В это время он заметил Джона Нила, и присутствие незнакомца его несколько покорило.

– Я разыскиваю своего черного быка. Не знаете ли вы, где он находится?

– Нет, минеер[11 - Минеер – господин (африкаанс).] Мюллер, – холодно отвечала Бесси, – впрочем, вы можете спросить дядю, он там. – С этими словами она указала на крааль, находившийся на расстоянии полумили.

– Мистер Мюллер, – поправил он, нахмутив брови, – «минеер» говорят бурам, а мы все здесь англичане. Ну что ж, пусть мой бык подождет. С вашего позволения, я посижу около вас, пока дядюшка Крофт не вернется. – Сказав это, он без всяких церемоний соскочил с лошади и, закинув поводья вокруг ее шеи, как бы давая знак стоять смирно, подошел к Бесси и протянул руку. В это самое время Бесси опустила обе руки в ванну по локоть, и Джона, наблюдавшего за происходившим, поразило то, что она сделала это с намерением не подавать руки докучливому посетителю.

– Как жаль, что мои руки мокры, – отвечала она, слегка кивнув головой. – Позвольте вас познакомить друг с другом. Минеер Фрэнк Мюллер – капитан Джон Нил, приехавший помогать дяде в ведении хозяйства.

Джон протянул руку, и Мюллер пожал ее.

– Капитан, – переспросил он, – флотский капитан?

– Нет, – возразил Джон, – армейский.

– А, роой батъе[12 - Роой батъе (множ. число: роой батъес) – красный мундир, т.е. английский солдат (африкаанс)]. Ну, неудивительно, что вы принялись за фермерство после Зулусской войны[13 - Речь идет об англо-зулусской войне 1879 г., в результате которой зулусы потеряли свою независимость.].

– Я вас не понимаю, – холодно заметил Джон.

– О, не обижайтесь, капитан, не обижайтесь. Я только хотел сказать, что вы, роой батъес, не особенно отличились в этой войне. Я был в то время в Пайтом Юсом и кое-что видел. Зулусу стоило только показаться ночью, и ваши войска улепетывали, точно стадо быков перед львом. И даже не стреляли – впрочем, пожалуй, стреляли, но больше по облакам... Итак, вы сами видите, почему мне показалось, будто вы намерены меч перековать на орало, как говорится в Библии... Но пожалуйста, не принимайте в обидном значении моих слов.

В продолжении всей речи Джон Нил, почитавший себя англичанином до мозга костей и высоко ценивший репутацию британской армии, почти так же, как и свою собственную честь, кипел гневом, тем более что чувствовал долю правды в словах бура. У него было, однако, достаточно здравого смысла, чтобы сдержаться, хотя бы только внешне.

– Я не участвовал в Зулусской войне, минеер Мюллер, – заявил он.

В это время подъехал верхом старик Крофт, и разговор прервался. Фрэнк Мюллер остался обедать и засиделся до позднего вечера. По-видимому, потеря быка ничуть его не беспокоила. Он сидел возле Бесси, курил, пил джин с водой и очень оживленно говорил на английском языке, испещренным множеством

голландских слов, которые Джон не понимал. В то же время он не спускал глаз с девушки, что Джону почему-то сильно не понравилось. Хотя это его не касалось и он лично был мало заинтересован во всем происходившем, тем не менее красавец-голландец казался ему глубоко антипатичным. Наконец он не выдержал и попросил Джесс пройти с ним несколько шагов.

– Вам, по-видимому, не нравится этот господин? – спросила она, как только они вышли за калитку дома.

– Нет. А вам?

– Мне кажется, – после некоторой паузы ответила Джесс, – что это самый неприятный человек из всех виденных мною на свете и в то же время самый удивительный. – Сказав это, она замолчала и лишь изредка делала отрывистые замечания о цветах и деревьях.

Полчаса спустя при возвращении домой они заметили отъезжавшего из усадьбы Фрэнка Мюллера. У веранды стоял готтентот^[14 - Готтентоты – одна из коренных народностей, живущих в Южной Африке.] Яньи, державший перед тем лошадь бура. Он был небольшого роста, одет в лохмотья, и волосы его видом и цветом напоминали клочья черной шерсти. Относительно его возраста трудно было составить сколь-либо точное понятие. Ему в равной степени можно было дать и двадцать пять и шестьдесят. Желтоватое лицо готтентота, освещенное лучами заходящего солнца, выражало непримиримую ненависть, и, стоя на улице, он шептал какие-то проклятия по-голландски, а также в знак бессильной злобы потрясал кулаком вслед удаляющемуся буру.

– Что это с ним? – спросил Джон.

Джесс рассмеялась.

– Яньи не больше моего не любит Фрэнка Мюллера, хотя и не знаю, по какой именно причине. Он мне о ней никогда не говорил.

Глава IV. Предложение

Вскоре Джон Нил оправился от полученных им ушибов настолько, что мог приняться за изучение фермерского хозяйства. Новое занятие не показалось ему скучным, в особенности под руководством такой прекрасной учительницы, как Бесси, отлично знавшей отрасли хозяйства. От природы одаренный энергичным характером, он настолько освоился с делом, что уже через шесть недель мог свободно рассуждать о достоинстве скота и страусов и о качестве трав. Раз в неделю Бесси устраивала ему нечто вроде экзамена; она давала ему также уроки голландского и зулусского языков, на которых прекрасно говорила. Из этого читатель может сделать вывод, что Джон Нил не испытывал недостатка в полезных и приятных занятиях. В то же время он сильно привязался и к старому Крофту. Старик, со своим благообразным, честным лицом, с огромным жизненным опытом, произвел на него сильное впечатление. До сих пор Нилу еще ни разу не доводилось встречать подобного человека. Чувство это, впрочем, было взаимное, так как Крофт также крепко привязался к молодому человеку.

– Видишь ли, моя милая, – объяснял он Бесси, – Джон Нил пока еще мало понимает в хозяйстве, но он научится, к тому же капитан – порядочный человек. Раз приходится иметь дело с кафрами, то надо это поручать человеку благородного происхождения. Белые же низкого происхождения никогда не в состоянии добиться чего-либо от кафра. Вот почему буры бьют и убивают их, тогда как капитан Нил отлично с ними справляется и без крутых мер. Я думаю, он сумеет повести наше хозяйство.

И Бесси всякий раз соглашалась с Крофтом.

Шестинедельный опыт дал блестящие результаты, договор был наконец заключен, и Джон Нил уплатил тысячу фунтов за третью часть доходов имени Муифонтейн.

Трудно допустить, чтобы молодой человек мог долгое время прожить под одной кровлей с красивой девушкой и остаться к ней равнодушным. Еще труднее предложить это, если молодые люди удалены от внешнего мира и постоянно находятся в обществе друг друга. Однако в их отношениях до сих пор не проявлялось ни малейшего признака любви. Джон Нил не был ветреным юношей и не мог потерять голову при виде первого встреченного хорошенького личика. Когда-то давно он и сам прошел через это блаженное состояние и не думал, что оно могло когда-нибудь повториться. С другой стороны, если Бесси и интересовала Нила, то в не меньшей степени занимала его и Джесс. Прожив в доме всего одну неделю, он пришел к заключению, что Джесс – самая странная

девушка из всех встреченных им до сих пор и вместе с тем одна из наиболее привлекательных. Даже ее бесстрастное лицо придавало ей особый интерес – ибо кто на свете не желал разгадать секрета? Для него же Джесс представлялась загадкой. То, что она была умна и образована, он вскоре заметил из ее отрывистых замечаний; то, что она пела как ангел, он также прекрасно знал. Но какой был главный интерес в ее жизни, что в особенности занимало ее мысли – вот вопросы, над которыми он напрасно ломал себе голову. Очевидно, это было что-то такое, чего не встретишь у других женщин, и меньше всего – у беззаботной, пышущей здоровьем и красотой Бесси. Он настолько увлекся желанием разгадать эту тайну, что пользовался любым случаем побыть с нею и иногда, если позволяло время, провожать ее на прогулках. Во время этих прогулок она говорила о книгах, об Англии или о каких-нибудь отвлеченных предметах. О себе она не говорила ничего.

Скоро Джон заметил, что его общество ей было приятно, и даже наоборот, ей как будто чего-то не хватало, когда он не мог ей сопутствовать. Ему никогда и не приходила в голову мысль, какую радость должна была доставить такой девушке встреча с развитым человеком. Джон Нил не был поверхностно или односторонне образованным человеком. Он много читал, о многом передумал, даже кое о чем писал, и в нем Джесс нашла ум, который более или менее соответствовал ее собственному. Хотя он и не в состоянии был ее понять, зато она отлично его понимала, и даже (если бы он только знал) в сокровеннейших тайниках ее сердца уже зарождалось чувство, правда еще слабое, но которое, подобно первым лучам утреннего солнца, развеяло глубокий мрак в ее душе. Что, если она полюбит этого человека и сумеет заставить полюбить себя? У большинства девушек мысль о любви связана с мыслью о замужестве и о той перемене в жизни, к которой они почему-то все так стремятся. Джесс думала вовсе не о том. С любовью она соединяла представление о том блаженстве, когда жизнь одного сливается с жизнью другого, о счастье найти человека, который ее понимает и которого она могла бы понимать, человека, способного развязать ей крылья. Она нашла наконец такого человека; он был выше других и лучше других и обладал светлым умом, то есть тем даром, который для нее самой был скорее несчастьем, нежели благословением, ибо возвышал ее над уровнем окружающего ее общества и тем самым исключал ее из среды этого общества. Ах, если только эта чистая любовь, о которой она столько читала, коснется него и нее, то, может быть, она еще найдет счастье на земле!

Странное дело, в подобных вещах опыт никогда не делает людей умнее. Такой человек, как Джон Нил, мог бы, кажется, догадаться, что нельзя шутить с огнем и что предметы, самые обычные на вид, оказываются самыми опасными. Он

должен был знать, что постоянное общение с девушкой, в особенности с такими выразительными глазами, как у Джесс, могло быть опасным для него, не говоря уже о ней самой. Пора ему было понять, что ежедневный обмен мыслями, участие в ее занятиях, чтение стихов, которых она никогда никому не показывала, наконец, удовольствие, ощущаемое им при произнесении ее имени, – все это не могло не произвести на нее впечатления. А между тем он нисколько об этом не заботился и не думал, что его действия способны принести какой-то вред.

Что касается Бесси, то она искренне радовалась, что сестра нашла человека, с которым могла по душе поговорить и который в состоянии ее понять. Ей никогда не приходило в голову, что Джесс могла влюбиться, от нее этого можно было ожидать меньше всего; точно так же она не задумывалась и о последствиях, которые это сближение могло иметь для Джона. Он пока представлял для нее мало интереса.

Дела шли довольно спокойно для всех лиц, замешанных в этой драме, до того дня, когда на ясном небе вдруг появились грозные тучи. Однажды после обеда Джон задумал отправиться на охоту и отдал приказание Янни оседлать лошадь. Он стоял на веранде рядом с Бесси, выглядевшей как-то особенно привлекательно в своем белом платье. В это время вдали показался Фрэнк Мюллер верхом на статном вороном коне.

– Ну вот, – произнес Джон, обращаясь к Бесси, – и друг ваш к вам подъезжает.

– Да, да, – отвечала Бесси, слегка топнув ногой, и затем, быстро обернувшись, спросила: – Почему вы называете его моим другом?

– Я думаю, он сам считает себя таким, если судить по его частым визитам, – ответил Джон, пожав плечами, – во всяком случае он не состоит в числе моих друзей, а посему я удаляюсь. До свидания. Надеюсь, вы не будете скучать.

– Вы злы, – тихо промолвила она и повернулась к нему спиной. Едва он скрылся из виду, как подъехал Фрэнк Мюллер.

– Как поживаете, мисс Бесси? – осведомился он, соскакивая с лошади с ловкостью человека, всю жизнь привыкшего ездить верхом. – Куда это исчез роой батье?

– Капитан Нил отправился на охоту, – холодно ответила она.

– Тем лучше для вас и для меня, мисс Бесси! Мы можем спокойно побеседовать. Где же эта черная обезьяна Яньи? Ага, вот он. Возьми же мою лошадь, дьявол, и смотри хорошенько за ней, а то я выверну все твои внутренности.

Яньи принужденно осклабился, взял лошадь и повел ее вокруг дома.

– Я не думаю, чтобы Яньи очень любил вас, минеер Мюллер, – заметила Бесси, – и я несколько этому не удивлюсь, если вы всегда с ним так разговариваете. Он мне как-то рассказывал, что знает вас уже около двадцати лет. – С этими словами она выразительно взглянула на него.

Это вскользь сделанное замечание, по-видимому, сильно задело гостя, на смуглом лице которого показался румянец.

– Он лжет, старый пес, – процедил Мюллер сквозь зубы, – я всажу ему пулю в лоб, если он еще раз повторит подобную небылицу. Что я могу знать о нем или он обо мне? Разве я могу давать отчет о всякой обезьяне, которую встречу? – При этом он пробормотал про себя какое-то ругательство по-голландски.

– Конечно, минеер! – сказала Бесси.

– Почему вы всегда меня называете «минеер»? – Он так свирепо взглянул на нее, что она невольно отпрянула в сторону. – Я ведь говорил вам, что я не бур. Я – англичанин. Моя мать была англичанка, а теперь благодаря лорду Карнарвону[15 - Герберт Генри Говард Молино Карнарвон (1831–1890) – английский политический деятель, консерватор, министр колоний (1866–1868, 1874–1880). Трансвааль был аннексирован британской короной во многом благодаря энергичной внешней политике консервативного правительства.] мы все стали англичанами.

– Я не понимаю, почему вы не хотите, чтобы вас считали буром, – холодно заметила она, – между ними встречаются очень порядочные люди, а кроме того, вы всегда были великим патриотом.

– Прежде был, я этого не отрицаю, так же как и деревья были, может быть, наклонены к северу, пока ветер дул с этой стороны; теперь же они обращены к югу, потому что ветер переменялся. Со временем он опять может перемениться, и тогда увидим снова, как поступить.

Бесси ничего не отвечала и лишь сжимала своими хорошенькими губками листик, сорванный с висевшей над нею виноградной ветки.

Голландец снял шляпу и стал нервно тереть свою бороду. Очевидно, он хотел, но боялся что-то сказать. Раза два он останавливал холодный взгляд на прекрасном лице Бесси и оба раза опускал глаза.

– Извините меня, я оставлю вас на одну минутку. – Она направилась к дому.

– Остановитесь, – воскликнул он по-голландски, сильно взволнованный, и схватил ее за краешек платья.

Она легким движением вырвала платье из его рук и повернулась к нему лицом.

– Что вам угодно? – спросила она тоном, не обещавшим ничего доброго. – Вы, кажется, хотели что-то сказать?

– Да, – проговорил он, – конечно... то есть... я хотел сказать... – и с этими словами замолчал.

Бесси стояла с выражением вежливого ожидания на лице и тоже молчала.

– Я хотел вам сказать, что... одним словом, я хочу... чтобы вы вышли за меня замуж.

– О! – произнесла Бесси с ужасом.

– Слушайте, – продолжал он глухим голосом, постепенно становившимся все сильнее и сильнее, как обычно бывает у простых людей, у которых слова выходят прямо из сердца, – слушайте! Я люблю вас, Бесси, вот уже более трех лет. После каждой встречи я вас любил все сильнее. Не говорите мне «нет», потому что вы не знаете, до какой степени простирается моя любовь. Я вас вижу

во сне: иногда ночью мне слышится шелест вашего платья, и мне кажется, будто вы целуете меня, и тогда я чувствую себя как бы на седьмом небе.

При этих словах Бесси посмотрела на него с отвращением.

– Может быть, я оскорбил вас этим, но не сердитесь на меня. Я очень богат, Бесси. Местность по соседству с вами принадлежит мне, а кроме того, я владею еще четырьмя фермами в Лейденбурге, десятью тысячами моргенов земли в Ватербрее, тысячей голов крупного рогатого скота, не считая уже овец, лошадей и крупной суммы на счету в банке. Вы будете распоряжаться всем, – продолжал он, заметив, какое ничтожное впечатление произвело на нее перечисление его богатств, – наш дом будет устроен на европейский лад, обстановку я выпишу из Наталя... Я люблю вас. Вы ведь не ответите мне отказом? – И он схватил ее за руку.

– Я очень вам благодарна за оказанную честь, минеер Мюллер, – отвечала Бесси, отнимая руку, – но я не согласна выйти за вас замуж. Не будем больше говорить об этом. Вот, кстати, идет мой дядя. Забудьте обо всем, минеер Мюллер.

Фрэнк Мюллер поднял голову и заметил вдали медленно идущего к ним старика.

– Это ваше последнее слово? – спросил он, задыхаясь.

– Конечно, мое последнее слово. Неужели вам надо его еще повторять?

– Это проклятый роой батье всему виной, – вскричал он в бешенстве, – прежде вы не были такой. Будь он проклят, этот белокожий англичанин! Если так, то слушайте меня, Бесси: вы выйдете за меня замуж, нравится это вам или нет. Неужели вы воображаете, что я позволю кому-нибудь шутить с собой. Спросите в Ваккерструме, и вам скажут, что за человек Фрэнк Мюллер. Я хочу, чтобы вы были моей – и вы ею будете. Я не дорожу жизнью ни своей, ни вашего роой батье. Если будет нужно, я подниму восстание, но добьюсь своего. Клянусь богом или чертом – это для меня безразлично! – Его губы дрожали, и он вне себя от ярости потрясал огромными кулаками.

Бесси испугалась, но, будучи не робкого десятка, встала и выпрямилась во весь рост.

– Если вы будете продолжать разговаривать таким образом, – сказала она, – я позову дядю. Я повторяю вам, что не выйду за вас замуж, Фрэнк Мюллер, и ничто не заставит меня сделаться вашей женой! Мне очень вас жаль... но я не подавала вам никакого повода ухаживать за собой и никогда не выйду за вас, слышите, никогда!

Некоторое время он стоял молча, глядя на нее, и наконец разразился диким смехом.

– А все же в один прекрасный день я добыю своего! – пригрозил он и, повернувшись, ушел.

Немного спустя Бесси услышала конский топот и разглядела мчавшегося вдоль по аллее несчастного воздыхателя. В это же время до ее слуха долетел чей-то болезненный крик позади дома, и, отправившись посмотреть в чем дело, она увидела готтентота Яньи, катавшегося по земле и произносившего какие-то ругательства и проклятья. Из раны на боку, за которую туземец держался рукой, обильно текла кровь.

– Что это такое? – спросила она.

– Баас[16 - Баас – господин (африкаанс).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Кафры (от араб. каффир – неверный) – устаревшее наименование юго-восточных африканских народов.

2

Капштадт – прежнее название Кейптауна.

3

Таково было официальное название бурской республики Трансвааль с 1856 по 1877 г.

4

Хеер – господин (африкаанс).

5

Крааль – здесь: загон для скота (зулу).

6

Дракенсберг – Драконовы горы, горная гряда в Натале.

7

Морген – единица измерения земельных площадей в ряде стран.
Южноафриканский морген равен примерно 0,86 га.

8

В апреле 1877 г. Теофил Шепстон, назначенный в Трансвааль чрезвычайным комиссаром британского правительства, аннексировал эту страну в пользу британской короны.

9

Гернет Уолсли – главнокомандующий английскими войсками в Натале.

10

Вельд – степь, саванна (африкаанс).

11

Минеер – господин (африкаанс).

12

Роой батье (мнoж. число: роой батъес) – красный мундир, т.е. английский солдат (африкаанс).

13

Речь идет об англо-зулусской войне 1879 г., в результате которой зулусы потеряли свою независимость.

14

Готтентоты – одна из коренных народностей, живущих в Южной Африке.

15

Герберт Генри Говард Молино Карнарвон (1831–1890) – английский политический деятель, консерватор, министр колоний (1866–1868, 1874–1880). Трансвааль был аннексирован британской короной во многом благодаря энергичной внешней политике консервативного правительства.

16

Баас – господин (африкаанс).

Купить: https://tellnovel.com/ru/haggard_genri-rayder/dzhess

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)